

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Адвокат из Голливуда

«Научная книга»

Серова М. С.

Адвокат из Голливуда / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Частный детектив Татьяна Иванова)

Частный детектив Татьяна Иванова соблазняется двойным гонораром и по просьбе матери Андрея Звягинцева берется за его безнадежное дело. Обвинение юноши в убийстве состряпано на славу – не подкопаешься, а сам обвиняемый на редкость безразличен к собственной судьбе и нехотя отбивается на допросах. Да и что может сказать молодой парнишка, полностью погруженный в мир компьютерных технологий и просидевший перед мерцающим монитором несколько суток, включая тот страшный вечер? Татьяна, пролистав протоколы допросов и воочию убедившись в наличии неопровержимых улик, чувствует себя бессильной, пока не решается лично побывать на месте преступления...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Марина Серова

Адвокат из Голливуда

Глава 1

- Не надо мне!
- Ну, Светочка...
- Не хочу!!
- Ну ты только посмотри, ты только попробуй, как вкусно!
- Не буду!!!

Несколько дней назад я закончила довольно трудное и запутанное расследование и теперь, отдыхая от трудов праведных, сидела в кафе со своей подругой Светкой – парикмахершей.

Это было одно из немногих кафе в нашем Тарасове, где готовили приличный кофе, и если у меня случался перерыв в работе, я частенько заглядывала сюда. Кроме кофе, здесь подавали вкуснейшие и непозволительно калорийные бисквитные пирожные. Но на этот раз я нисколько не опасалась за свои формы, ибо недавнее расследование отняло у меня столько сил и энергии, что я смело могла позволить себе не только пирожное, но даже целый торт.

Чего нельзя было сказать о Светке, которая в описываемый период времени как раз сидела на диете. Сейчас у нее был обеденный перерыв, но, вместо того чтобы нормально поесть, она заказала себе лишь стакан минералки да какой-то травы на тарелочке.

Мы беседовали.

– ...и представь, я поворачиваюсь, а там три амбала с монтировками. У меня же в руках – только косметичка...

– ...ой, не говори! А эта, вторая, такая стерва. Я, говорит, на вас жалобу напишу. Это на меня! На меня, которая никогда слова грубого... У меня от всех клиентов всегда одни только благодарности, люди за неделю записываются!..

– ...да в том-то и дело, что он – да не он. Посмотришь – вроде все на него указывает, и время, и место, и даже мотив есть, а на самом деле...

– ...и в самом деле, что я, первый день, что ли, работаю, что она меня будет учить макияж делать? Да таких, как она, по полтиннику за дюжину на любом углу навалом, а я, между прочим, профессионал, класный, между прочим, специалист. Ну неужели я от какой-то недочившейся дуры оскорбления терпеть должна? Ну скажи, Тань?!

В общем, это был обычный женский разговор. Каждая из нас говорила о наболевшем, стремясь передать информацию и не очень заботясь о том, будет ли эта информация кем-то услышана. Вообще-то должна сказать, что, вопреки мнению некоторых скептиков, я нахожу такой способ общения весьма удобным и даже полезным. Здесь достигаются две важные цели: во-первых, человек разгружается от негативной информации и по окончании общения выходит как бы очистившимся и готовым к новым жизненным бурям, а во-вторых, и собеседник, в свою очередь, не взваливает на себя груз чужих проблем, поскольку в это время он тоже говорил, а не слушал.

Так, в синхронном режиме начиная говорить и одновременно делая паузы, мы провели довольно долгое время, и два наших монолога начали напоминать диалог только тогда, когда я решила предложить Светке пирожное. При моей работе идея диет и разгрузочных дней никогда не была актуальна, Света же просто помешана на всем этом, поэтому, желая немножко подразнить свою подругу, я смаковала пирожное и с выражением блаженного довольства на физиономии маленькими глоточками попивала кофе.

Но в своем стремлении достичь идеальных форм моя подруга была непреклонна. Созерцающая аппетитные завитки шоколадного крема и вдыхая соблазнительные ароматы ванили и какао, она истекала слюной, но упорно отказывалась от пирожного и с ожесточением жевала свои листья, запивая их минералкой.

– Ах, какая вкуснятина! Сегодня они расстарались просто как никогда. Может, все-таки попробуешь? – не сдавалась я.

– Сахар – белая смерть, – бесстрастным голосом отчеканила Светка.

– Это соль – белая смерть, а сахар стимулирует умственную деятельность, улучшает настроение и повышает сексуальность. Вот попробуй – сразу почувствуешь.

– Не надо мне!

В это время в кафе появилась новая посетительница. Сначала я заметила ее краем глаза, повинувшись профессиональному инстинкту замечать все и всегда, но потом ее внешний вид и поведение заставили меня приглядеться к ней повнимательнее.

И действительно, она слишком выделялась на фоне вполне приличных посетителей респектабельного кафе. С растрепанными волосами, как попало одетая, она смотрела прямо перед собой, не реагируя на окружающие предметы, и, казалось, находилась в состоянии наркотического опьянения.

Она подошла к прилавку и заказала стакан воды. На дворе стоял прекрасный солнечный июнь, и, по всей видимости, женщина зашла в кафе утолить жажду.

Обратить на нее внимание заставлял не только неаккуратный внешний вид и неадекватное поведение, но и то, что она явно не принадлежала к уважаемому сословию нищих и бомжей. Вещи, хотя и разношерстные и несколько помятые, были, совершенно очевидно, не дешевые, да и то, что, пытаясь расплатиться за стакан воды, она вытащила зеленые купюры, говорило о ее принадлежности к классу людей состоятельных.

– Хм... странная тетка, – тихо сказала я.

– Что?

– Да вон, посмотри – какая-то растрепанная баба. И на бомжиху вроде не похожа, и на нормальную не тянет.

Светка взглянула туда, куда я ей указывала, и неожиданно встрепенулась.

– Да это же!..

Больше никаких объяснений получить мне не удалось, потому что, не в силах сдерживать эмоции, моя подруга рванулась с места к витрине, где стояла странная женщина, и с криками: «Алевтина Прокофьевна! Алевтина Прокофьевна!» – принялась расплачиваться за нее.

Уладив финансовые вопросы с персоналом кафе, Светка взяла женщину под руки, захватила стакан воды и направилась со всем этим к нашему столику.

– Садитесь, Алевтина Прокофьевна, садитесь с нами.

Женщина, в своем сомнамбулическом состоянии не замечая ничего, казалось, не замечала и Светку. Только окончательно усевшись за столик и отхлебнув воды из стакана, женщина вроде бы узнала Светку.

– А, здравствуйте, это вы...

– Алевтина Прокофьевна, что с вами? Что случилось? На вас лица нет!

«Да и всего остального, в общем-то...» – подумала я.

Между тем женщина уже совсем осмысленно взглянула на Светку, и вдруг из глаз ее хлынули слезы. Именно хлынули – в два ручья, а она, казалось, и не замечала их.

– Что же это такое, Светочка, а? Что же это такое делается? – говорила она, и у меня почему-то пропала охота остричь.

– Алевтина Прокофьевна! Господи! Да расскажите толком! Что произошло? Алевтина Прокофьевна. Ну нельзя же так расстраиваться! Ну мало ли что в жизни бывает, может, мы сможем чем-то помочь...

– Да чем уж тут поможешь, – печально и как-то обреченно сказала женщина, рукой утирая слезы.

Тут она заметила меня, и в выражении ее лица сразу появилась отчужденность.

– Ах, вы не одна, Светочка... извините, я побеспокоила вас...

– Алевтина Прокофьевна! Ну что вы говорите! Ну какое может быть беспокойство?

– Нет-нет... извините... извините, я пойду.

Женщина тяжело поднялась из-за столика, как будто на плечах у нее был стопудовый груз, и пошла к выходу.

Я вопросительно смотрела на Светку, ожидая объяснений. Отзывчивая подруга не заставила долго ждать.

– Ну чего ты уставилась-то на меня, как крокодил? – зашептала она. – Не видишь – дама не в себе?

– Вижу.

– Ну и вот... И нечего глаза таращить.

– Это кто вообще?

– Кто, кто... Никто! Клиентка моя – вот кто. Она без маникюра и макияжа за завтрак не садится, если хочешь знать.

– Я заметила...

– Прекрати! Нашлась тоже... Хазанов в юбке.

– Да чего ты разошлась? Объясни толком.

– Толком, толком... Сигареты есть у тебя?

– А здесь можно курить?

– Пойдем на улицу, все равно у меня перерыв уже заканчивается.

Мы вышли из кафе, и по дороге к своему месту работы Светка рассказала мне, что загадочная Алевтина Прокофьевна – ее постоянная клиентка, что она весьма состоятельная и респектабельная дама, прекрасно образованная, но ни дня в своей жизни не посвятившая низменному занятию под названием «ходить на работу».

– Презренный металл у нее муж зарабатывает. И причем в таких количествах, что нам с тобой, подруга, и во сне не снилось. А она все больше по части светских приемов упражняется. Ты бы видела ее: все время такая фифочка – маникюрчик, педикюрчик, всегда в курсе всех последних косметических новинок... Ей лет-то уж... точно не скажу, но в районе пятидесяти – как пить дать. А выглядела все время как картинка. Каждые две недели волосы красить приходила – чтоб ни одной сединки... И что это такое могло произойти?... И главное – баба она нормальная. Знаешь, это ведь большая редкость, чтобы человек, имея деньги, имея возможность ни в чем – действительно ни в чем – себе не отказывать, не испортился. Тем более бабы. У нас в салоне стерв-то этих... я уж насмотрелась. Украдет у нее муж из муниципального бюджета пару «лимонов» – так она уже и королева. А эта – нет. И поговорит всегда по-человечески, и вообще... Знаешь, ведь профессионализм профессионализмом, но все мы люди, все можем ошибиться... да и мало ли... неприятности, настроение плохое... Я ей однажды так волосы покрасила... Ой, даже вспоминать не хочу. Не специально, конечно, а с красками там не сорентировалась... Ну в общем, в конце концов, чтобы на человека было похоже, перекрашивать пришлось в темный тон... а она светлые тона любит... Да и не идет ей темное, но что поделаешь, если вышло что-то вообще серо-буро-малиновое. Эксперимент сделала... балда. Так она – хоть бы слово! «Ничего, Светочка, бывает». А она, если хочешь знать, по своим связям могла бы так меня турнуть отсюда, что мне не только в салонах – в городе в этом никогда бы на работу не устроиться. Уборщицей бы не взяли, не то что мастером. А она: «Ничего, Светочка». Другая бы на ее месте... Да что говорить! Знаешь, я потом все-таки покрасила ее так, как хотела. И краски за свои деньги купила, и специально на парике сначала попробовала. Это вообще-то сложная процедура, надо было мне с самого начала на парике потренироваться... знаешь,

цвета нестандартные, фиолетовый там, розовый, но все невыраженно, не ярко, а в полутонах... В общем, если умеючи взяты, получается супер, а если не умеючи – пугало. Как у меня и вышло в первый раз... Но что же это такое случиться-то могло?

Свой прочувствованный монолог моя подруга закончила, когда мы уже были у дверей косметического салона, где она, к счастью, до сих пор еще работала благодаря снисходительности Алевтины Прокофьевны. Мы распрощались и отправились каждая по своим делам. То есть я-то отправилась отдыхать, а заниматься делами отправилась Светка. Я же твердо решила, что после такого изнурительного и напряженного трудового периода, каковым оказалось мое недавнее расследование, отдыхать я буду не меньше двух недель. И вообще, съездить бы куда-нибудь... на острова... или в Италию... А что, может, и съезжу... «на недельку до второго». Благо я могла позволить себе цивилизованный отдых.

С приятной мыслью о том, что нужно будет на днях навести необходимые справки в турагентствах, я отправилась домой.

Прошло три или четыре дня после того, как мы с моей подругой Светой отдыхали в кафе. Я успела обзвонить все мало-мальски приличные туристические агентства нашего города и, поколебавшись немного, что же мне выбрать – острова или Италию, выбрала в конце концов Египет и Красное море.

Преисполнившись приятных ожиданий, я планировала завтра отправиться в агентство покупать тур. Но телефонный звонок прервал меня в самом разгаре радужных мечтаний. «Может, не подходит?» – грешным делом подумала я и все-таки сняла трубку. Звонила Света.

– Тань! Привет! Как дела?

– Ничего. Вот собираюсь в Египет отдыхать, – с первых же слов поспешила сообщить я. Но Свету это не впечатлило.

– Да? – рассеянно переспросила она так, будто и не слышала моих слов. – А помнишь, мы с тобой в кафе встретили женщину, ты еще заметила, что она была очень расстроена?

Вот зараза! Главное – я заметила. Как будто это я притащила ее за наш столик.

Из последних сил стараясь показать, что не испытываю интереса к разговору, я очень невежливо буркнула:

– Ну?

Однако и это ничего не дало. Не обращая ни малейшего внимания на мой недружелюбный тон, Света оживленно начала свой рассказ:

– Представляешь – такой ужас! Оказывается, ее сына обвиняют в убийстве. Придумали там какие-то улики... Мальчишка только из армии пришел. А он у нее единственный сын. Представляешь?

Увы! Последние остатки сомнений и слабых надежд, что, может быть, минет меня чаша сия, улетучились. Было совершенно очевидно, что Светка хочет навязать мне свою мадам с единственным сыном в качестве нового дела как раз в тот момент, когда я еще не успела очухаться от старого. Но я решила сопротивляться до последнего, поэтому снова не была слишком многословной:

– Ну?

– Да чего ты заладила «ну» да «ну»?! У человека несчастье, а она нукает, как попугай! Парня спасти надо!

– А я-то здесь при чем?

– Танька! Ты меня не зли. Не сможешь – знай, ты мне больше не подруга. И не приходи ко мне никогда, и гримировать тебя для твоих предприятий больше не буду никогда в жизни, и...

– Свет! Я всего несколько дней назад дело закончила. И какое, если бы ты знала! У меня все тело болит, у меня башка не варит, мне отдохнуть надо, я ведь тоже живой человек!

– Ну, Танечка, ну солнышко, ну золотце! Ну для меня! Я ведь тебя почти никогда ни о чем не прошу. Ну возмись! А? Ведь не шутки – убийство на парня вешают.

– Светка! Вот зараза какая... ну что мне с тобой делать?

– Возмись, Танечка! Возмись. И людям поможешь, и денежек заработаешь. Ставку свою можешь умножать на два – даже не сомневайся. Возмись, золотце! Ты же у нас умненькая, тебе же такие пустяки на один зуб. А уж потом – хоть в Америку езжай отдыхать. Чего ты там не видела в этом Египте? Там, кроме песка, ничего интересного нету. А здесь человеческая судьба решается...

Разумеется, я с самого начала знала, что она не отстанет. И даже где-то в глубине души предчувствовала, что в конце концов я соглашусь. Поэтому и не хотелось мне брать трубку. Но раз уж взяла...

– На два, говоришь?

– На два, Танечка, на два. Я же тоже понимаю – работа у тебя трудная, нервная...

– А тебе известно, каким будет мой гонорар, умноженный на два?

– Ничего-ничего... это совершенно ничего, они люди состоятельные, и потом – единственный сын... В общем, они в курсе, что качественная работа стоит дорого, я с ними эти вопросы уже предварительно обговорила.

Обговорила она... Вот наглая! Она, значит, и мысли не допускает, что я могу ей отказать. Впрочем, моя ставочка, умноженная на два, выглядит совсем неплохо, за такие деньги еще можно поработать, даже и сверхурочно.

Я записала адрес и пообещала подъехать завтра к девяти утра – о встрече эта нахалка, оказывается, тоже уже договорилась. Бывают же люди... бессовестные.

С грустью вспомнила я о своих мечтах, которые еще так недавно занимали мои мысли, собрала в кучу рекламные буклеты с красивыми картинками из разных стран и, чтобы не длить мучения, а уничтожить все надежды разом, выбросила всю эту красоту в мусорное ведро.

Не скучай без меня, Египет!

На следующий день, как и обещала, в девять часов утра я звонила в дверь квартиры Алевтины Прокофьевны.

Мне открыла пожилая женщина, при виде которой я почему-то сразу вспомнила рассказы школьных учителей о няне Пушкина Арине Родионовне.

– Вам кого? – спросила няня.

– Я частный детектив, Татьяна Иванова. У меня на девять часов назначена встреча.

– Ах, да-да, проходите, пожалуйста, вас ждут.

Еще в прихожей я поняла, что моя ставочка, даже умноженная на два, здесь никого не смутит. Жили здесь люди далеко не бедные. Квартира была огромной и обставлена роскошно. Катайся на небольшом автомобиле, и тесно тебе не будет.

Арина Родионовна отвела меня в гостиную, одна стена которой представляла из себя сплошное окно, выходящее на какую-то террасу, назвать которую лоджией просто не поворачивался язык, где после недолгого ожидания я смогла лицезреть и саму хозяйку.

На этот раз Алевтина Прокофьевна выглядела намного лучше. Аккуратная прическа, легкий утренний, так сказать, гигиенический макияж и очень приличное домашнее платье. Именно платье, а не халат, и именно домашнее, потому что хотя оно и выглядело весьма презентабельно, но сразу было понятно, что на улицу она в этом платье ни за что не выйдет.

– Добрый день, – произнесла хозяйка, и по отчужденному выражению, которое возникло на ее лице сразу же после того, как она меня увидела, я поняла, что она помнит инцидент в кафе и это ей неприятно.

Такое положение меня не очень устраивало. Ведь для того, чтобы как следует прояснить для себя все обстоятельства дела, я должна по возможности максимально сблизиться с клиен-

том, добиться того, чтобы он чувствовал себя свободно и испытывал ко мне полное доверие. Атмосфера скованности для откровенного разговора никак не подходила.

– Здравствуйте, – с открытой и располагающей улыбкой произнесла я. – Я частный детектив, зовут – Татьяна. Моя подруга Света, наверное, говорила вам...

– Да-да. Она сказала, что вы занимаетесь частными расследованиями, и очень рекомендовала вас.

– Надеюсь, что я действительно смогу вам помочь. Мой опыт расследований, в общем-то, достаточно велик – более двухсот раскрытых дел...

На лице Алевтины Прокофьевны появилось выражение некоторой надежды.

– Ох, как это хорошо! Только... – задумчиво протянула она. – Наше дело, возможно, покажется вам немного необычным... Видите ли, против моего сына выдвинуто обвинение, и... дело в том, что в милиции утверждают, что улики, доказывающие его виновность, неопровержимы... В общем, получается так, что, кроме меня и самых близких людей, которые хорошо его знают и даже мысли не допускают, что он может совершить преступление, никто не верит в его невиновность. – Она сделала паузу и достала из кармана носовой платок.

– Если вы подробно расскажите мне все обстоятельства дела, я попытаюсь найти способ помочь вам, – осторожно сказала я.

– Да-да, конечно. Андрей... мой сын... Так вот... Андрей всего лишь три месяца назад вернулся из армии. В общем-то, вы понимаете, мы легко могли устроить ему... ну, как это...

В моей голове сразу же возникло слово «отмазать», но я решила воздержаться от такой подсказки и выбрала более корректный вариант:

– Вы смогли бы сделать так, чтобы ему не пришлось служить?

– Ну да. Собственно, в этом нет ничего такого, все так делают, кто имеет возможность. Но Андрей настоял на том, что он будет служить. Он вообще во всем старался проявлять самостоятельность и... как бы это сказать... хотел показать, что он настоящий мужчина. Это у него с самого детства, чуть ли не с детского сада. Всегда и во всем сам старался принимать решения. А уж если что решил – спорить бесполезно. Все равно сделает по-своему. Вот и с боксом с этим тоже...

– С боксом?

– Ну да, он в школе, классе в седьмом, записался в секцию. Домой приходил весь в синяках: «Я, мама, тренируюсь». Я переживала, конечно, расстраивалась, но что поделаешь, раз решил – отговаривать бесполезно. И хоть бы раз, хоть бы одно слово жалобы – нет, ничего. «Я, мама, тренируюсь...» А однажды пришел вообще весь синий и в кровоподтеках. Спрашиваю: «Сынок, что такое? Кто тебя?» – «Нет, ничего, это на тренировке». На тренировке... Мне то зачем врать, я же вижу... Потом только выяснила уже через других людей, что это он из-за друга подрался. Друг у него – Игорь – тоже чуть ли не с детского сада дружат, так у него сердце большое, ему физические нагрузки противопоказаны. А мальчишки, им ведь, сами знаете, сердце не сердце, им – без разницы. Стали к Игорьку приставать... Ну, а мой, конечно, вмешался. Как же – он ведь настоящий мужчина. Вот... Ну а когда постарше стал, начал техникой увлекаться, компьютеры там, беспроводная связь, ну и прочие такие вещи... Программированием тоже... даже победы одерживал на конкурсах. Он вообще мальчик не очень открытый, даже с нами, с родителями, о своих делах не распространялся... Но, с другой стороны, мы с мужем считаем, что у ребенка должен быть какой-то свой мир, в который родителям необязательно вмешиваться. Мы видели, что мальчик развивается нормально, каких-то порочных склонностей за ним не замечали, с разными подозрительными компаниями он не связывается. А уж когда начал увлекаться компьютером... Так почти все время у экрана проводил. Так что с этой стороны мы с отцом были спокойны.

– Вот вы сейчас упомянули о компаниях... У Андрея было много друзей?

– Из постоянных, пожалуй, только Игорь. А так, конечно, приходили к нему ребята и насчет компьютера, и так... но, насколько я могу судить, это были скорее просто приятельские отношения, чем тесные дружеские.

– А как он был связан с... тем человеком, которого убили?

– Ах, с ним... С ним Андрей познакомился еще в боксерской секции... Возможно, вы посчитаете мое мнение предвзятым, но это был очень неприятный тип. Я видела его всего несколько раз мельком. Как-то он поздоровался с Андреем на улице, ну и еще пара таких мелких случаев. Он произвел на меня неблагоприятное впечатление. Да и сам Андрей не питал к нему никаких дружеских чувств. Насколько я знаю, у них была какая-то давняя ссора, и после этого они не поддерживали отношений... Собственно, это и использует милиция в качестве одного из аргументов против моего сына... – Голос Алевтины Прокофьевны задрожал, но она снова сумела справиться с волнением. – Но если каждого, кто с кем-то поссорится, обвинять на этом основании в убийстве...

– А вашего сына обвиняют именно на этом основании?

– ...Не совсем... Видите ли, до армии у Андрея была девушка... ну а когда он ушел служить... в общем, она стала с Олегом встречаться.

– Олег – это тот, кого убили?

– Да.

– И мотивом преступления следствие считает месть.

– Да.

– Но вы думаете, что это не так?

– Разумеется, это не так! Это совершенно не в характере Андрея, и вообще... Конечно, я понимаю, вы не знакомы с моим сыном и думаете, что я просто как мать хочу защитить его, но даже если принять в качестве мотива эту самую месть, то как вы объясните, что мой сын, узнав о том, что Света ушла от него к Олегу, решил осуществить эту месть только сейчас? Ведь он три месяца назад пришел домой! Почему сразу не отомстил?

Вопрос был резонный. Хотя и мотив довольно правдоподобный. Вот и разберись, кто тут прав, кто виноват.

– Андрей и Света долгое время были вместе?

– Точно вам не скажу, но приблизительно года два. Она училась в параллельном классе.

– Света бывала у вас дома? Как вы ее находите?

– Ничего... ничего, приятная девушка.

Алевтина Прокофьевна отвела взгляд, и я поняла, что она несколько лукавит. Наверное, она и сама догадалась, что я заметила это, поскольку после небольшой паузы тряхнула головой и продолжила уже в прежнем своем естественном тоне:

– Впрочем, не буду скрывать, она не очень мне нравилась. Вы можете приписать это так называемой материнской ревности или решите, что я говорю так потому, что она ушла к другому, но уверяю вас – впечатление мое сложилось задолго до случившегося разрыва. Света – миловидная спокойная девушка, и, в общем-то, ничего явно отрицательного в ее поведении я никогда не замечала, но сердцу, как известно, не прикажешь, и настоящего, искреннего расположения я к ней никогда не чувствовала. Я вам даже больше скажу – я скорее обрадовалась, чем огорчилась, когда узнала, что она теперь встречается с Олегом. Конечно, я понимала, что это расстроит сына, но знаете – время проходит, и все забывается, и я несколько не сомневалась, что мой мальчик сможет найти себе действительно подходящую пару.

– Где находился ваш сын в момент убийства?

– Когда Андрюша вернулся из армии, он настоял на том, что будет жить отдельно, – я ведь говорила вам, что он во всем стремился к самостоятельности. Мы сняли ему небольшую квартиру недалеко от центра, он моментально всю ее завалил техникой – разными штуками для компьютера – и иногда целые сутки не отходил от монитора. Говорил, что, пока был в

армии, многое пропустил и теперь хочет наверстать. В этот день он тоже работал у себя, и, разумеется, никто не может подтвердить, что это было именно так, а не иначе... В общем, положение отчаянное...

В этот раз Алевтина Прокофьевна не смогла сдержаться, и носовой платок пришлось как нельзя кстати. Признаюсь, я и сама находила положение довольно затруднительным. Как хотите, а и наличие мотива, и отсутствие алиби – все это пока не в пользу моего предполагаемого клиента. Но, разумеется, перед женщиной, единственный сын которой арестован по обвинению в убийстве, я не стала развивать эту мысль.

– Понимаю ваше беспокойство, но могу сказать, что в своей практике я сталкивалась и с более безнадежными ситуациями, которые в конце концов положительно решались, – попыталась я воздействовать на эмоциональность рациональностью. – Поэтому думаю, что пока вам не стоит терять надежду, тем более если вы уверены, что ваш сын этого преступления не совершал.

Увы! Утешение у меня получилось не очень убедительное, поскольку после моих слов Алевтина Прокофьевна надрывно воскликнула: «Конечно не совершал!» – и зарыдала уже в голос.

Дверь в гостиную приоткрылась, и из-за нее показалось обеспокоенное лицо Арины Родионовны. Неприязненно взглянув на меня, она подошла к своей хозяйке, протянула стакан воды и начала успокаивать:

– Ничего, ничего, Аннушка... ничего, ступай.

Арина Родионовна, она же Аннушка, снова враждебно глянула на меня и удалилась.

– Извините, – сказала Алевтина Прокофьевна, сделав несколько глотков воды и немного успокоившись. – Все это так тяжело...

– Ну что вы, какие могут быть извинения... А ваш сын, что он сам говорит обо всем этом?

– Ах... после того, как его арестовали, мы и виделись-то всего один раз... Что говорит?.. Говорит, что все время был дома, занимался на компьютере, что никого не убивал... Он этого Олега и не видел ни разу после того, как из армии вернулся.

– А какие у него предположения – кто это мог сделать и почему?

– Вы знаете, я тогда была просто в шоке, поэтому о предположениях не расспрашивала, но если бы они были, он, наверное, сам рассказал бы о них, не мне, так своему адвокату... Нет, вряд ли у него есть какие-то предположения... Я ведь говорила вам, что они и раньше почти не общались с этим Олегом, а уж после того, как прошло столько времени, после армии и тем более... Нет, вряд ли Андрей мог знать о его делах.

– Вы сейчас упомянули об адвокате... вы не могли бы дать мне его координаты? Возможно, мне нужно будет встретиться с ним в ходе расследования.

– Да, конечно. Я думаю, что контактировать с адвокатом вам будет просто необходимо, ведь если выяснятся какие-то обстоятельства, свидетельствующие в пользу моего сына, об этом немедленно нужно будет сообщить Алексею... Алексей Лавровский – это наш адвокат. В общем-то, он Алексей Петрович, но, поскольку он ненамного старше моего сына, я называю его просто Алексей. Хотя он и молод, он весьма перспективный специалист, мужу его очень рекомендовали... Совсем недавно Алексей Петрович блестяще выиграл похожее дело.

– Еще один вопрос... Он несколько бестактный, но не обижайтесь, пожалуйста.

– Спрашивайте.

– Неужели ваш муж не имеет достаточно связей, чтобы... чтобы освободить сына от ареста так же, как, например, от армии?

Сознаюсь, вопросец был действительно довольно смелый. Некоторое время Алевтина Прокофьевна внимательно и как бы изучающе смотрела на меня, а потом сказала:

– Да, вижу, что общепринятые социальные условности над вами не особенно довлеют... ну что ж, может быть, это и к лучшему... На ваш вопрос могу ответить следующее: разуме-

ется, мой муж рассматривал все возможные пути выхода из сложившейся ситуации, в том числе и такой. Но проблема в том, что дело уже возбуждено, милиция утверждает, что по делу имеется практически неопровержимая доказательная база, и, главное, со стороны обвинения, насколько я могла понять, тоже оказывается достаточно сильное давление. Единственное, что моему мужу твердо пообещали, – это сокращение тюремного срока в случае осуждения, амнистия там или что-то в этом роде. Но мой сын невиновен...

Голос ее опять задрожал, и носовой платок снова пошел в дело. Однако для того, чтобы начать расследование, мне необходимо было выяснить еще кое-что, поэтому, как только моя собеседница немного успокоилась, я задала новый вопрос:

– Вы не могли бы очертить круг общения вашего сына в последнее время? Не появились ли среди знакомых какие-то новые лица, помимо тех, которые вы привыкли видеть обычно?

– Боюсь, что в этом я буду вам плохой помощницей, я ведь уже говорила, что Андрей не стремился посвящать нас во все свои дела, тем более после возвращения из армии он жил отдельно... Но не думаю, что круг его знакомых был таким уж большим, ведь Андрей вернулся совсем недавно. Вот разве что... Игорек обещал устроить его куда-то на работу, разве что тогда могли появиться новые знакомства... Хотя, как вы понимаете, при наших средствах в этом *устройстве на работу* не было такой уж насущной необходимости, но Андрей и тут хотел оставаться самостоятельным и считал, что это не по-мужски – сидеть на шее у родителей.

Ну просто не Андрей, а какой-то ангел во плоти! Впрочем, понятно – мать о своем сыне плохого не скажет. Однако с ангелом тоже не мешало бы повидаться. Как-то там мои коллеги поживают? Чует мое сердце, что скоро придется мне их навестить.

Я взяла телефон адвоката, уточнила, в каком изоляторе сидит мой новый клиент, и совсем уже было раскрыла рот, чтобы завести речь об удвоенном гонораре, как вдруг, к вящему моему удивлению, этот вопрос разрешился сам собою.

Едва только я заикнулась об оплате, Алевтина Прокофьевна просто достала из секретера чековую книжку, почеркала там что-то на одном из листочков, вырвала его и протянула мне, сопроводив свои действия лаконичным и незатейливым комментарием:

– Здесь небольшой аванс, – думаю, на первое время этого будет достаточно, а в дальнейшем, когда у вас возникнет необходимость или если в ходе расследования возникнут непредвиденные крупные расходы, сообщите, и мы решим эти вопросы.

Я взглянула на сумму аванса, который женщина назвала небольшим, и поняла, что гонорар (даже начальная его часть) превзошел все мои ожидания. Единственное, что мне оставалось сделать, – это поблагодарить клиентку и скромно удалиться.

Да-а... красиво жить не запретишь. А что, если и мне завести чековую книжку? Например, в том кафе, где мы недавно сидели со Светкой, – развернуть этак невзначай да и выписать чек долларов на... десять. Это, дескать, вам небольшой аванс, а вопросы, в случае чего, мы решим.

С полученным мною листочком я заехала в банк, и там без всяких проблем и лишних вопросов мне выдали означенную сумму наличными. Но чтобы ни у кого не возникало сомнений в моем патриотизме, уточняю – выдали в рублях.

Должна признаться, что поездка в банк была намного веселее, чем беседа со Светкиной знакомой. Дело неприятное, хлопотное, но если сын Алевтины Прокофьевны действительно ни в чем не виноват – то мой долг найти того, кто заинтересован упечь парня за решетку...

Рядом на сиденье перекатывалась и подпрыгивала набитая банкнотами сумочка, и я думала о том, что жизнь, несмотря на то, что порой бывает полна проблем, все-таки не такая уж скверная штука.

В бодром и оптимистичном настроении я прибыла домой, сварила кофе и, покуривая сигарету, села разрабатывать план дальнейших действий.

Итак, что мы имеем? Мальчик, обвиняемый в убийстве, – это раз. Мама, которая утверждает, что он этого убийства не совершал, – это два. Уголовное дело, а следовательно, и материалы по нему, с которыми во что бы то ни стало необходимо будет ознакомиться, – это три. Ну и так, по мелочи – адвокат, старый друг, девушка... кстати, не помешает, я думаю, поподробнее ознакомиться и с личностью потерпевшего. Но, впрочем, это уже второй этап – выдвижение новых версий. Если таковое вообще понадобится. Сейчас же мне необходимо как можно подробнее ознакомиться с той версией, которая уже есть и которой придерживаются официальные органы. А здесь мне не обойтись без помощи старых знакомых. Я сразу вспомнила про Андрея Мельникова, своего однокурсника. Надеюсь, он не откажет в помощи старой боевой подруге. Да и с адвокатом не мешало бы встретиться... И с самим обвиняемым...

С чего же начать? Точнее, с кого? Ответ очевиден – и для встречи с обвиняемым, и для изучения материалов дела нужна предварительная договоренность (ведь еще неизвестно – разрешат ли мне ознакомиться с материалами или не подпустят к документам и на пушечный выстрел).

Я взглянула на часы. Стрелки показывали половину одиннадцатого. Для деловых звонков, пожалуй, поздно. Вдруг у этого перспективного адвоката где-нибудь за печкой притаилась молодая жена или подруга? Что она подумает, если в половине одиннадцатого ночи услышит в трубке приятный женский голос? Чего доброго, я еще стану причиной семейных раздоров.

Нет, звонок лучше отложить до завтра. А на сегодня деловых разговоров достаточно.

Глава 2

На следующее утро, часов в девять, я уже звонила в адвокатскую контору, номер которой дала мне вчера Алевтина Прокофьевна.

- Добрый день, я бы хотела поговорить с Лавровским Алексеем Петровичем.
- Как вас представить? – раздался в трубке молодой женский голос.
- Татьяна Александровна Иванова, частный детектив.
- Одну минуту...

На другом конце провода зажурчало, заурчало, и потом снова послышался человеческий голос, но уже мужской.

– Слушаю.

– Вас беспокоит частный детектив Татьяна Иванова. Я провожу дополнительное расследование по просьбе Алевтины Прокофьевны Звягинцевой относительно ее сына. Поскольку мы оба действуем в интересах одного и того же клиента, думаю, нам имеет смысл встретиться и обсудить обстоятельства дела.

– Да, конечно. Алевтина Прокофьевна говорила мне, что собирается обратиться к услугам частного агента... Разумеется, нам нужно будет встретиться с вами. В десять часов вам удобно?

- Вполне.
- Тогда до встречи.
- Всего хорошего.

Я повесила трубку и стала собираться на встречу с адвокатом.

Вообще-то я всегда слежу за своей внешностью, но в этот раз я как-то совершенно инстинктивно и помимо воли уделила ей особое внимание. Не знаю, возможно, причина была в том, что Алевтина Прокофьевна вчера упомянула о том, что адвокат ненамного старше ее сына, а следовательно – почти мой ровесник, а возможно, просто потому, что у мужчины, говорившего со мной по телефону, был приятный голос, но, уже выходя из дому и бросая на себя последний оценивающий взгляд в зеркало в прихожей, я вдруг сообразила, что выгляжу несколько ярче, чем этого требует обычная деловая встреча.

Впрочем, это уже проблемы адвоката.

Контора, к которой я через некоторое время подъехала на своей «девятке», выглядела очень солидно, да иначе и быть не могло, учитывая статус моего клиента.

Войдя в офис, я воочию смогла убедиться, что секретарша, с которой я недавно разговаривала по телефону, в действительности очень молоденькая и смазливенькая.

- Алексей Петрович у себя?
- Как вас представить?

Вот заладила, кукла фарфоровая! Представь меня в ванной, выходящей из пены, как Афродита.

- Татьяна Александровна Иванова, частный детектив.
- Одну минуту.

Интересно, где у нее кнопка?

Секретарша скрылась за дверью кабинета и через минуту появилась вновь.

- Войдите, – чирикнула она своим кукольным голосом.

Когда я вошла, из-за безразмерного офисного стола навстречу мне поднялся темноволосяй голливудский красавец и, сверкая белозубой улыбкой, поздоровался и предложил мне присесть.

Первой моей мыслью было: «Голубой».

Конечно, встречаются представители сильного пола мужественные, независимо от внешности, и такие мне тоже нравятся, но есть парни по-настоящему красивые, не какие-нибудь там восточно-славянские фантики, а именно по-мужски красивые настоящей строгой и мужественной красотой. И именно они почему-то всегда оказываются голубыми.

Алексей Лавровский был именно таким красавцем. И кокетничать с ним не было никакого смысла. Может, это и к лучшему – делом, Танечка, нужно заниматься, а не глазки адвокатам строить!

Сказав себе это, я тут же впала в депрессию, и все разговоры о мальчиках, незаслуженно обвиняемых в убийстве, стали казаться мне совсем неуместными и вообще никчемными.

Уныло оглядев шикарный кабинет, я воззрилась на Лавровского и промямлила что-то насчет пожеланий моей клиентки о том, чтобы мы сотрудничали. Алексей Петрович отреагировал на мои слова с радостным энтузиазмом, будто всю жизнь только об этом и мечтал. Он вообще был в прекрасном настроении.

Мое же с каждой минутой становилось все хуже.

– Могу я ознакомиться с материалами, которыми вы располагаете? – спросила я адвоката.

– О да, разумеется. Женечка! – позвал Лавровский, нажав кнопку на столе. – Принесите, пожалуйста, дело за номером... – тут последовал какой-то тарабарский шифр.

– Одну минуту, – ответила секретарша и поспешила выполнить поручение.

Хм... а текст-то все один и тот же. Но уж зато голос! Тут вам и сладость, и обещание, и загадка... Все-таки где может быть у нее кнопка?

Спустя некоторое время Женечка явилась в кабинет с какой-то папкой и, передав ее шефу, удалилась, вихляя бедрами так, что я начала бояться, впишется ли она в дверной проем. Однако все обошлось.

Несмотря на мое твердое и бесповоротное решение не отвлекаться на посторонние предметы, мне все-таки было интересно, как адвокат реагирует на Женечку. Но, к моему удивлению, он никак на нее не реагировал, а сосредоточенно разбирал бумаги в папке.

Ну точно – голубой!

– Вот, взгляните – здесь некоторые записи, выписки из уголовного дела и основные моменты, на которых основана позиция обвинения...

В секретарской послышался какой-то шум, и в дверь кабинета просунулась голова Женечки.

– Алексей Петрович! – жалобно пискнула секретарша, но не успела договорить – в кабинет ввалился еще один красавец, на этот раз уже светловолосый, с чистыми серыми глазами и длинными пушистыми детскими ресницами.

С появлением светловолосого радостный оптимизм адвоката удвоился.

– Илюша! Ну наконец-то! – закричал Алексей Петрович и, выйдя из-за стола, принялся на все лады обниматься со своим новым гостем.

Нет, это просто ни в какие ворота не лезет! Хоть бы посторонних постеснялся! У него посетители, в конце концов! Но адвокат не только не стеснялся, а, наоборот, принялся нас знакомить:

– Позвольте представить вам: Илья – мой двоюродный брат. Он уезжал в Иркутск по делам, у него там... да, впрочем, неважно. Главное, что так припозднился с этими своими делами, что мы уже начинали беспокоиться, – говорил Алексей Петрович, со счастливой улыбкой глядя на своего гостя. – Но теперь-то, по крайней мере, все уладил?

– Да, теперь все в порядке... Ну я пойду, а то у тебя тут посетители... – смущенно говорил двоюродный брат. – Я прямо с самолета к тебе, никуда еще не заходил. Подумал, не буду звонить – сам объявлюсь...

– Ну и правильно, ну и молодец... Татьяна Александровна, мы вас оставим на минутку, вы не против?

– Нет-нет, пожалуйста.

Они удалились в предбанник, а я разозлилась окончательно. Двоюродный брат... А почему не родной сын? Или внучатый племянник? Уж если врать, так врать забавно.

Чертов голубой!

И за каким дьяволом я вообще притащилась сюда?! Сходила бы лучше в тюрьму, с обвиняемым поговорила. У этого, по крайней мере, девушка есть, хоть и бывшая... Настроение мое было испорчено безвозвратно, и я не желала оставаться в этом отвратительном месте ни одной лишней минуты. Поэтому, когда в кабинет снова вошел адвокат, я поспешила распрощаться.

– Я просмотрела бумаги, Алексей Петрович, и пришла к выводу, что они требуют более подробного изучения. Вы не могли бы, например, завтра или когда вам будет удобно предоставить мне копии, чтобы я могла спокойно на досуге все изучить?

– Зачем же копии? Ведь мы теперь работаем в команде, и, чтобы вы не тратили свое время, я готов дать вам оригиналы, если, конечно, вы обещаете мне вернуть их через день-другой. Этого времени вам хватит, чтобы внимательно со всем ознакомиться и снять копии с того, что вам будет необходимо.

Приехали! Оказывается, он не только голубой, а к тому же еще и полоумный. Какой же дурак будет отдавать оригиналы документов по делу первому встречному, даже если этот встречный – частный детектив? Интересно, кто же это порекомендовал такое чудо моей клиентке? Его счастье, что нарвался на меня – девушку порядочную, а не на какую-нибудь...

– Благодарю вас за любезность, но, конечно, я постараюсь не задерживать у себя такие важные документы. Думаю, что смогу вернуть вам их завтра.

– Ну вот и прекрасно. Завтра я весь день в разъездах, поэтому, если не возражаете, мы встретимся в обеденный перерыв где-нибудь... ну, скажем, в «Волге». Вам удобно это?

Час от часу не легче! То документы отдает, то деловую встречу назначает в ресторане... Странный он какой-то, этот адвокат... Одно слово – голубой.

– Ну что ж, в «Волге» так в «Волге». Тогда до завтра.

– Всего хорошего.

С пачкой бумаг под мышкой в отвратительнейшем настроении я отправилась домой. Выкуривая сигарету за сигаретой, я раздумывала о том, как несправедлива судьба и почему каждый мужик, который хотя бы чуть-чуть симпатичнее обезьяны, обязательно оказывается занят каким-нибудь другим мужиком. А как же девушки? «А девушки потом», – звучала в памяти веселая советская песенка.

Приехав домой, я первым делом заварила кофе и решила, что на этот раз, ввиду моего депрессивного состояния, необходимо добавить к нему чего-нибудь сладкого, чтобы стимулировать умственную деятельность, улучшить настроение и повысить сексуальность. Только для кого, спрашивается? Разве что для самой себя, в пене выходящей из ванной, как Афродита.

Какой цвет вам больше нравится – розовый или голубой?

Делать нечего, раз уж все мужики занимаются мужиками, придется мне тоже переключиться на женщин и соблазнить Светку. А что? Ведь это по ее милости мне пришлось столкнуться с этим чертовым адвокатом. Вот пусть теперь и отдувается.

Однако, когда я представила себя с пистолетом Макарова и Светку с маникюрными ножницами в любовных объятиях, а главное, мысленно присоединила к каждой из нас шлейф близких знакомых мужеска пола, который и у той и у другой терялся где-то за горизонтом, я поняла, что настоящей большой любви у нас со Светкой не получится.

Впрочем, есть вариант гораздо лучше. Чтобы уязвить адвоката в самое сердце, я соблазню его секретаршу... Но лишь только в моем воображении возникла Женечка со своим вихляющим задом и кукольным личиком, мне стало так смешно, что даже плохое настроение куда-

то улетучилось, и, не думая больше о том, как отомстить бессовестно красивому адвокату, я спокойно принялась изучать бумаги, которые он мне с такой готовностью предоставил.

Едва я просмотрела первые два-три листа, как поняла, что ничего в этих документах выдающегося не было. Все это были вполне официального характера материалы, содержащие самые общие сведения по делу, которые следствие обязано предоставлять адвокату.

Впрочем, я и не надеялась узнать у адвоката какие-то сверхсекретные факты. Гораздо большие ожидания в этом плане я возлагала на свои старые милицейские связи, а бумаги адвоката лишь помогли мне составить более внятное представление о деле.

На данный момент меня интересовали два пункта: как, когда и где было совершено преступление; и что это за улики, на которых строится обвинение. Бумаги адвоката давали вполне обстоятельные ответы на все интересующие меня вопросы.

Оказывается, убийство было совершено в ночь на четвертое июня, то есть неделю назад. Хм, если уже через неделю органы задержали преступника и обнаружили улики, доказывающие его виновность, надо признать – действия ведутся весьма оперативно. Или... или кто-то эти действия направляет. Ведь выступая от имени моих клиентов, я должна принимать в качестве основной версию невинности, а с этой точки зрения чрезмерная оперативность может оказаться весьма подозрительной.

Убийство было совершено на каком-то пустыре, орудие преступления – нож. Что примечательно – на пустыре находилось нечто вроде месторождения лечебной голубой глины, единственное в нашей местности. Этот пункт мне сразу не понравился, и какие-то смутные нехорошие предчувствия сразу же закрались в мою душу, как только я прочитала про эту голубую глину. Уже одно это слово: «голубой»... ну да ладно, проживем – увидим, а пока читаем дальше.

Дальше было написано, что на голубой глине весьма четко читались следы кроссовок и ботинок. Поскольку ботинки были на ногах потерпевшего, то очевидно, что кроссовки принадлежали его убийце. Следы от кроссовок и ботинок прослеживались до самого места преступления (складывалось впечатление, что преступник и потерпевший спокойно шли друг за другом, а потом произошло убийство). Но нигде не замечалось никаких следов борьбы. Из этого следствие делало два вывода: во-первых, что потерпевший и убийца были хорошо знакомы друг с другом, и во-вторых, что на пустырь они прибыли, не проявляя по отношению друг к другу никаких агрессивных действий.

Что ж, выводы, на мой взгляд, весьма логичные, пожалуй, и я бы сделала такие же. Но на месте преступления вам, Татьяна Александровна, разумеется, побывать будет необходимо. У них свое следствие, у вас – свое. Правда, прошла неделя, но мало ли что... Сколько уж раз так бывало – следователи все кругом и обшарят, и обнюхают, и чуть ли не языком вылизут, а я приезжаю и нет-нет да и обнаружу что-нибудь интересненькое. Потому что знать надо, где искать. И что.

Теперь об уликах. Та-ак, посмотрим, что это у нас тут за улики... угу... ага... значит – улики... улики, значит...

Прочитав про улики, я в сердцах швырнула сразу ставшие ненавистными бумажки в дальний угол комнаты и ушла на кухню, где на столе лежали сигареты и оставалось еще немного остывшего кофе.

Черт бы их всех побрал!

Судорожно затягиваясь, я лихорадочно пыталась придумать, как в создавшейся ситуации мне умудриться если уж не спасти свою репутацию успешного детектива, то хотя бы сохранить лицо...

Нет, но надо же быть такой идиоткой! Ну что мне стоило, прежде чем объявлять о своем согласии взяться за дело, выяснить у Мельникова все обстоятельства? Ведь сказано было русским языком – неопровержимые. Неопровержимые улики. Сама же мамаша об этом говорила. Ну как я могла позабыть об этом? В первую очередь нужно было обратить внимание именно

на это. Так нет – куда там... гонорар, умноженный на два, – разве тут до улик... Вот и сиди теперь... горе-сыщик... придумывай, как прошлогодного снега сыскать.

Первые же несколько слов об уликах блестяще подтверждали все мои нехорошие предчувствия по поводу голубой глины. Разумеется, оказалось, что следы этой глины были обнаружены на кроссовках обвиняемого, и, мало того, даже форма протектора этих кроссовок совпала с той, что отпечаталась на пустыре. Да, улика железобетонная!

Но это было еще не все. Существовала и вторая улика, и тоже ничуть не хуже первой. А именно – кровь потерпевшего была обнаружена на рукаве рубашки обвиняемого.

В общем-то, при умелом подходе к делу, для того чтобы построить обоснованное и неопровержимое обвинение, вполне хватило бы и одной из этих улик, но вместе они представляли собой просто непробиваемую стену, и мне оставалось только удивляться тому, что, зная об этом, кто-то еще пытается заявлять о невинности подозреваемого.

Однако что мне-то делать? Как в этой ситуации поступить?

Так, ладно. Что это я запсиховала? Ну улики, ну и что? Я эти улики видела? Нет, не видела. Место преступления осматривала? Нет, не осматривала. Да и мало ли еще такого, чего я пока не делала? Да практически еще и расследования-то не начинала и вдруг ни с того ни с сего делаю уже окончательные выводы. Откуда? С какой стати?

И потом, разве это мои выводы? Это выводы милиции. Я же веду свое личное расследование. И на моем счету не один десяток раскрытых преступлений.

Я вдруг поняла, что чуть было не совершила классическую ошибку многих сыщиков – чуть было не попыталась подвести расследование под заранее намеченные результаты. А если расследование начинается не с вопроса: «Так ли это или иначе?», а с утверждения: «Это именно так, а не иначе», то это – самая надежная гарантия провала.

Каждое расследование должно начинаться с чистого листа, и какие бы сведения вы ни получали даже из самых авторитетных источников, вы должны исходить только из одного: пока вы не добудете какой-либо факт своими руками или не перепроверите то или иное высказывание двести пятьдесят раз, ни этого факта, ни этого высказывания для вас не существует.

Поразмыслив об этом и выкурив пару сигарет, я немного успокоилась. В конце концов, даже если принять самый нежелательный вариант, а именно – если мое расследование приведет к тем же выводам, к которым пришли и официальные органы, – в чем же здесь будет моя вина? Я добросовестно выполняю свою работу, а если результаты ее окажутся таковы, что моей клиентке придется разочароваться в своем единственном сыне, то при чем здесь частный детектив?

Ближайшая моя задача состояла в следующем: заполучить материалы следствия и подробно с ними ознакомиться. И с уликами в том числе. Нужно было звонить Мельникову.

– Аллю, Андрюша? Это Танюша. Как ваше «ничего себе»?

– Танюша! Здорово! Давненько не было тебя слышно.

– Все дела, все дела.

– Ой, ну деловая – прям ни дать ни взять.

– А ты как думал? Это у вас, счастливых, установленная норма оклада идет, а мне временные никто не платит, у меня все сдельно: клиент есть – и зарплата есть, а клиента нет – так сижу. Волка, как говорится, ноги кормят.

– Ну да, только ты свою зарплату с нашей-то не равняй...

– Ой, Андрюша, и откуда в тебе столько сарказма-то, столько иронии-то в тебе откуда...

А ты вот помоги мне, глядишь – и тебе что-нибудь с моей зарплатой перепадет.

– Да уж – дождайся...

– И совершенно напрасно ты так говоришь... ну вот совершенно напрасно. Конечно, оскорблять тебя предложением денег я не стану, но вот бутылочку приличного коньяка...

– А ты бы попробовала – предложила бы денег, – кто знает, может, я бы и не оскорбился?

– Ты мне только материалы по делу дай почитать, а уж я тебе организую хоть виски, хоть коньяк, хоть какаву с чаем – как закажешь.

– Материалы по делу? По какому?

– А там у вас в убийстве обвиняют некоего Звягинцева Андрея, тезку твоего, может, слышал?

– Как не слышать – неделю уже все начальство на ушах стоит. Только ты-то каким боком этого дела касаешься?

– А я его не только боком касаюсь, но даже и некоторыми другими частями. Я по нему дополнительное расследование веду.

– Вон оно как... Значит, нанял-таки папка частного детектива...

– Мамка наняла.

– Ну, пускай мамка, один черт. Только поздравить тебя, Танечка, не могу. Дело-то – верняк. Там доказательства такие, что хоть двадцать дополнительных расследований проводи – все одно и то же выйдет. Думаешь, у нас тут дураки сидят?

– Да что ты, когда это я про вас такое думала? Мне сделали заказ – я выполняю. И к тебе обращаюсь за помощью, как к старому другу.

– Хм... а тебе известно, что ты, во-первых, постороннее лицо, а во-вторых, вроде бы как наш конкурент в данном конкретном случае? Так с какой же стати я буду тебе помогать? А?

– А подойди к вопросу неформально... по-человечески подойди. Я ведь не на неделю у тебя это дело прошу, а так, только посмотреть одним глазком... просто ради интереса... оно даже из кабинета никуда не выйдет. Взгляну, и все. Почему бы не оказать девушке маленькую услугу по старой дружбе? Ты вообще что больше любишь – виски или коньяк?

– Ну, не знаю... разве что по старой дружбе... Но учти – чтоб ни одна душа не знала. Так, подожди... завтра... нет, послезавтра... послезавтра у меня будет это дело – придешь в обеденный перерыв и, пока никто не видит, быстренько прочитаешь...

– А я успею?

– Успеешь, там немного. Редко, как говорится, но метко.

– Да еще, Андрюша, там какие-то улики, говорят, есть – так вот нельзя ли мне заодно и их посмотреть?

– Ну ты, мать, наглеешь не по дням, а по часам! Еще и улики ей!

– Ну, Андрюшечка, ну, пожалуйста! Ну сам посуди – видеть дело и не видеть улики – на что это похоже? Ну ты же сам профессионал – подумай, как можно работать, не имея всех фактов?

– Ну, Татьяна, толкаешь ты меня просто на должностное преступление!

– Ничего подобного! Вот если бы ты мне отдал что-то из дела или улики – это было бы преступление, а так... пустяки, легкая экскурсия. Все равно как если бы они у тебя на столе лежали, а я бы зашла, взглянула и вышла. Какое же в этом преступление?

– Да ты кому угодно зубы заговоришь. Ладно, послезавтра приходи, как договорились, в обед. И чем меньше народу тебя увидит, тем лучше.

– Спасибо, Андрюшечка, спасибо, мой золотой. Уже начинаю считать часы до послезавтра.

Мы распрощались, и я положила трубку, довольная, что мне удалось уговорить Мельникова показать мне дело. В общем-то, он и вправду немного рисковал, решаясь показать мне материалы, для посторонних глаз вовсе не предназначенные, но мы были знакомы не первый день и, еще будучи студентами академии права, знали, что целиком и полностью можем друг другу доверять. Поэтому и теперь он мог, не опасаясь утечек, ознакомить меня с нужной мне информацией, зная, что в случае чего я не выдам свой источник даже под пытками.

Другое дело, что, добившись положительного решения по первому вопросу, а именно по ознакомлению с материалами дела, я не решилась затронуть второй – о предоставлении мне возможности встретиться с обвиняемым. В этом вопросе мне тоже очень нужна была помощь

Андрея. Но я решила на первый раз ограничиться документами, а вопрос о встрече с обвиняемым перенести на более поздний период. В конце концов, и правда не следует слишком уж наглеть.

Итак, послезавтра мне предстояло узнать все, что известно по этому делу официальным органам, а завтра я должна была встретиться с голубым адвокатом в ресторане и вернуть ему взятые напрокат бумаги.

Глава 3

На следующий день, основательно выспавшись, а также досыта накурившись и напившись кофе, я наконец-то дождалась урочного времени и отправилась в «Волгу» возвращать документы.

Неотразимый Алексей Петрович уже восседал за одним из столиков возле окна и, увидев меня, снова почему-то весь засветился радостным оптимизмом. Чего он для меня-то старается? Я ведь в число клиентов не вхожу, даже потенциальных. А поскольку я самолично видела, как он тискал «двоюродного брата», то мог бы и догадаться, что после этого строить мне глазки бессмысленно.

Но тут я снова поймала себя на том, что слишком отвлекаюсь на эмоции, и постаралась придать своему лицу официально-деловое выражение.

– Добрый день.

– Здравствуйте, присаживайтесь, пожалуйста. Что вам заказать?

– Минеральной воды.

На лице Алексея Петровича, который сидел перед пустым столом и явно рассчитывал пообедать в моем обществе, отразилось разочарование. Но спорить он не стал и заказал мне минеральной воды, а себе кофе.

– Ну как, смогли вы извлечь что-то полезное из этих записей? – вежливо поинтересовался адвокат.

– Да, они помогли мне составить более четкое представление о деле, и, признаюсь, я нахожу, что доказать невиновность обвиняемого будет очень непросто. Улики действительно серьезные.

– Но родители не допускают даже мысли, что Андрей мог это совершить.

– Да, в этом я могла убедиться лично, беседуя с Алевтиной Прокофьевной... Кстати, она упоминала о том, что недавно вы выиграли какое-то похожее дело. Это действительно так?

– Не совсем. В том деле практически не было прямых улик, хотя было много косвенных и тоже имел место конфликт потерпевшего и обвиняемого.

– Как вы считаете, эти улики могли быть подброшены кем-то?

– Трудно сказать... Я ведь не сыщик, – сказал Алексей Петрович, снова ослепив меня своей белозубой улыбкой. – Это скорее в вашей компетенции – определить, подброшенные ли это улики или настоящие. Хотя, с другой стороны, мне кажется, что несколько трудновато испачкать, например, человеку подошву необычным грунтом, так, чтобы он сам этого не заметил. А в нашем случае, заметив глину на своей обуви, клиент скорее всего сразу же догадался бы, кто это сделал, поскольку круг общения обвиняемого был не таким уж широким. А уж тех, кто бывал у него дома, и вообще по пальцам можно пересчитать, а незаметно испачкать обувь, согласитесь, можно только тогда, когда она снята с ноги.

«Ах ты же мой логичный», – снова со злым сарказмом подумала я. Но, в общем-то, доводы были вполне обоснованные.

– А сам мальчик что говорит?

– Да в том-то и дело, что практически ничего. «Не видел, не знаю, не имею представления, кто бы это мог быть». Абсолютно никакой зацепки. Вот теперь ломаю голову, как строить защиту. Кстати, не такой уж он и мальчик, армию отслужил. Да, впрочем, если хотите, можете поговорить с ним сами.

– Боюсь, мне будет трудновато это сделать, я ведь лицо неофициальное...

– Ну что вы, какие пустяки! Завтра я как раз встречаюсь с ним, вы можете просто пойти со мной.

Обрадованная тем, что проблема может решиться так просто и мне не придется лишний раз беспокоить Мельникова, который в этом деле может понадобиться еще не однажды, я уже совсем было собралась дать свое согласие, как вдруг вспомнила о том, что на завтра у меня запланирован еще один деловой обеденный перерыв как раз у этого самого Мельникова.

– А во сколько состоится ваша встреча? – неуверенно спросила я.

Заметив мое замешательство, адвокат ответил вопросом:

– У вас на завтра какие-то планы?

– В общем – да. Я смогла бы пойти с вами либо с утра, до одиннадцати, либо где-то после двух часов дня.

– Ну и прекрасно, – с каким-то странным облегчением сказал мой собеседник. – Встреча назначена на три часа, и, думаю, к этому времени вы уже успеете решить все свои вопросы. Куда за вами заехать?

Еще чего не хватало! Чтобы я со всяким голубым на машинах раскатывала? Да не бывать этому!

– Нет, спасибо, у меня своя машина. Встретимся у изолятора, Алевтина Прокофьевна сообщила мне координаты.

– Ну что ж, хорошо. Тогда завтра в три у изолятора.

Я поднялась из-за стола и направилась к выходу.

Мне необходимо было кое-что обдумать, и я решила посидеть в небольшом скверике, который находился недалеко от ресторана. Подышать воздухом никогда не вредно.

Свежая июньская листва, сквозь которую, играя, пробивались солнечные лучи, еще не успевшая запылиться травка. Красота! Прямо деревенская идиллия, и сидеть на лавочке, затягиваясь вкусной сигареткой, было приятно, и думалось хорошо.

Итак, самое первое и главное сейчас – это ознакомиться со всеми материалами дела в первоисточнике. Тогда уж я действительно смогу получить ясное представление о том, какими данными располагает милиция и на основании чего она строит свои выводы. Ну, этим, собственно, я и займусь завтра.

Дальше – обвиняемый. Поговорить с ним в любом случае будет полезно, даже если он и в самом деле не имеет никаких интересных предположений по поводу случившегося. По крайней мере, я смогу получить некоторое представление о его характере и узнать, действительно ли это такой ангел, как описывает его мама.

Следующим пунктом идет потерпевший. Если принять версию невинности предполагаемого убийцы, то убийцу нужно искать скорее всего среди ближайшего окружения. А раз так, то состав этого окружения следует выяснить.

Да, еще не мешало бы поговорить со старым другом моего клиента, как там его – Игорь, кажется? Скорее всего он, как и мама, будет защищать Андрея, но кто знает – может быть, где-нибудь в разговоре всплывет что-нибудь интересненькое. Ну и с бывшей девушкой заодно нужно повидаться.

Ну что ж – на первое время план вполне удовлетворительный. А дальше уже будем действовать в зависимости от результатов. В общем-то, в смысле результатов здесь возможны только два варианта: либо дополнительное расследование безоговорочно подтверждает официальную версию обвинения, либо в ходе этого расследования у меня появляются сомнения (а еще лучше – факты), указывающие на то, что обстоятельства дела можно трактовать двояко – как против обвиняемого, так и в его пользу. А если так, то мне придется продолжить расследование и найти настоящего убийцу.

Среди веселой зелени скверика весь этот расклад так четко, логично и правильно выстроился у меня в голове, что от вчерашнего моего психоза не осталось и следа. Ну что же, ока-

жется, что виновен, – значит, виновен. В худшем случае придется вернуть гонорар. Но что от этого может как-то пострадать моя репутация – это глупости.

– Девушка, не угостите сигареткой?

Перед скамейкой, где я так удобно расположилась, стоял гражданин, по внешнему виду которого можно было безошибочно определить, что он на этой скамейке живет. Мутные посоловевшие глаза в удивленном недоумении смотрели на окружающий мир, недельная щетина украшала сморщенные щеки и подбородок, спутанные грязно-серые волосы торчали во все стороны.

Гражданин между тем пытался демонстрировать галантность и, задавая свой вопрос, сделал нечто вроде легкого полупоклона.

– Бери, отец, пользуйся, – щедрой рукой высыпала я на ладонь почти половину пачки.

Гражданин растянул губы в улыбке и, забирая сигареты, сказал:

– Да какой же я тебе отец... я еще парень хоть куда. Огоньку не найдется?

Я дала ему прикурить, и он, решив, по-видимому, что после этого мы уже окончательно сделались с ним старыми друзьями, совершенно по-свойски уселся рядом со мной на скамейку.

– Хорошая погодка, – начал светскую беседу мой новый знакомый. – Меня Паша зовут.

Он вопросительно уставил на меня свои опухшие глазки, и мне пришлось тоже представиться:

– Таня.

– Она звалась Татьяна...

– Ну да. Живешь здесь?

– Обижаете, мадам. Я живу в жилище, а не на улице.

– А-а... что ж, жилище – это прекрасно... – Здесь я собралась уже было попрощаться, но Паша меня перебил:

– А что мы скучаем? Такая девушка – и одна?

Разумеется, в любом другом случае я незамедлительно указала бы слишком навязчивому собеседнику адрес, куда идти, но тут внешний вид моего неожиданного ухажера настолько не соответствовал понятию «подбивать клинья», что беседа начала меня забавлять.

– Да вот – все бросили, все оставили, сижу теперь одна-одинешенька...

– Ну теперь уже не одна...

Это прозвучало настолько экстравагантно, что сдерживаться у меня больше не было сил, и я от души расхохоталась. Но Паша говорил на полном серьезе.

– Чего смеешься? Ты не смотри, что я... Мужик, он всегда мужик. А женщине всегда защита требуется...

Дальше в лес – больше дров. Он уже и защиту мне оказывать собирается. Еще минуты три посидим – того гляди и совсем в опеку возьмет.

Я поднялась с лавки и направилась к машине. Паша тоже встал и пошел за мной.

– Ну ты смотри – подумай! – наконец крикнул он мне вдогонку. – Как говорится, старый конь... лучше новых двух.

– Да? Ну, тогда, конечно, я подумаю.

Какое все-таки у них самомнение, у этих мужиков! Сам еле на ногах стоит, глаза от перепоя чуть на лоб не лезут, псиной прет, а туда же... Главное: «Подумай». Он бы еще сказал: «Смотри, а то пожалеешь!»

Но в общем и целом происшествие рассмешило меня, и домой я поехала в веселом настроении.

На следующий день в половине двенадцатого я уже была в конторе у Мельникова. Сознывая всю значимость услуги, которую он собирался мне оказать, я все-таки прикупила по дороге бутылочку весьма приличного и не дешевого коньяка.

Приоткрыв дверь кабинета, я увидела, что, кроме Андрея, там еще полно народу, и решила подождать. Наконец посетители вышли, и в коридор выглянул Мельников.

Оглядевшись по сторонам, он схватил меня за локоть и быстро втянул в кабинет.

– Ты бы хоть поздоровался, – обиженно сказала я, потирая локоть.

– Ничего, и здесь можем поздороваться. Зато никто не видел, как ты ко мне вошла. Привет.

– Привет, вежливый мой.

– Ладно, без церемоний. Короче, мы с ребятами сейчас идем обедать...

– В «Волгу»? – почему-то спросила я.

– В «Волгу»? С чего ты взяла? Это вы, частники, в «Волгах» обедаете, а мы из бюджета финансируемся, нам такие кабаки для ежедневных обедов не подходят. Короче, ты меня не путай, вот здесь, – он достал из сейфа толстенькую папку, – вот здесь материалы по делу, а здесь – улики. Предупреждаю – пакетики не открывать, отпечатки не оставлять. И вообще... не понимаю, как ты меня уговорила на эту авантюру...

– Да ладно, не хнычь. Милиционер должен быть храбрым. А в возмещение морального ущерба вот тебе – сувенирчик.

– Хм... сувенирчик, говоришь? То есть ты, ко всему прочему, еще и взятку мне предлагаешь при исполнении служебных обязанностей?.. Ну, ладно – давай.

С довольной физиономией спрятав бутылку в сейф, мой милиционер заторопился.

– Короче, я тебя тут запрю, будут стучать – не открывай, будут звонить – не отвечай. Нету тебя, поняла?

– Да поняла, поняла, надоел уже.

– И за час постарайся уложиться. Ну, ладно, я побежал.

– Беги.

Андрей приоткрыл дверь и, снова оглядевшись, выскользнул в коридор, после чего в замочной скважине послышался звук поворачиваемого ключа.

Отложив пока улики в сторонку, я в первую очередь занялась папкой. На всякий случай я прихватила с собой фотоаппарат (о чем предусмотрительно не сообщила чересчур осторожному Мельникову), чтобы наиболее интересные для меня сведения заснять, а потом, загнав в компьютер, еще раз изучить повнимательнее.

Несмотря на то что позавчера Андрей заверил меня, что за время обеденного перерыва я смогу изучить документы, взглянув на пухлую папку, я в этом усомнилась. Так что фотоаппарат мне пригодится – вряд ли за час я успею все прочитать.

В первую очередь я занялась протоколом осмотра трупа. Но, как оказалось, ничего особенно интересного в этом протоколе не было. «След от ножевого ранения в спину», «отсутствие следов борьбы», «химический состав крови стандартный» – вот и вся любовь. Из этого я могла сделать только один вывод, который сделала и милиция: главным фактором, обеспечившим успешность этого преступления, был фактор неожиданности.

Кроме протокола осмотра трупа, в деле имелись протоколы допросов самого обвиняемого, его родителей, точнее, матери, родителей потерпевшего, а также девушки потерпевшего, друга обвиняемого и еще нескольких второстепенных персонажей.

В принципе общая картина дела была для меня ясна, поэтому я сосредоточилась на поисках информации по одному пункту, который весьма интересовал меня с самого начала.

Почему обвинение так сразу и бесповоротно вышло на этого самого Андрея Звягинцева? Ведь, кроме него, в деле гипотетически могли фигурировать и другие обвиняемые. Это навело на мысль о заказе, и я решила как можно тщательнее отработать этот вопрос.

Однако, просмотрев документы, я увидела, что все складывалось довольно последовательно и логично, милиция действовала вполне профессионально и скорее всего без подсказок со стороны.

Распределив записи в хронологической последовательности по датам, я увидела, что, зафиксировав происшествие и открыв дело, органы в первую очередь выявили ближайший круг знакомств потерпевшего и таким образом вышли на его девушку. Из протокола допроса этой самой девушки, Светы, следовало, что она поддерживала близкие отношения с потерпевшим в продолжение года с небольшим.

«... – Вы могли бы назвать кого-то, кто испытывал резкую неприязнь к вашему другу или постоянно конфликтовал с ним?»

– Нет.

– Но, может быть, в последнее время он говорил о каких-то неприятностях, угрозах со стороны кого-либо?

– Нет, ничего такого я не знаю.

– А что вы можете сказать о личных мотивах? До встречи с Олегом у вас был кто-то еще?»

Здесь в протоколе было отмечено, что девушка пришла в некоторое замешательство и после паузы сообщила, что раньше она встречалась с молодым человеком по имени Андрей Звягинцев, но он только недавно пришел из армии и, насколько ей известно, после возвращения с Олегом не встречался.

В общем-то, дальше мне все было понятно и без протокола. Каждый, кто знаком с первыми четырьмя правилами арифметики, легко мог сопоставить сроки и догадаться, что новый друг появился у девушки как раз тогда, когда старый был в армии. Думаю, следователи именно так и сделали, потому что дальше пошел протокол обыска, в котором говорилось, что на рубашке, найденной в корзине с грязным бельем, были обнаружены следы крови потерпевшего, а на подошве кроссовок, стоявших в прихожей, – следы голубой глины. Далее следовал протокол допроса моего клиента:

«—...где вы находились с десяти часов вечера третьего июня до двух утра четвертого?»

– В своей квартире.

– Кто-нибудь может это подтвердить?»

– Не знаю... навряд ли. Я занимался сложной компьютерной программой и почти двое суток безвылазно просидел у монитора. Даже телефон отключил, чтобы меня не беспокоили».

Ах ты, черт! Ну просто как будто специально все себе подстроил! Впрочем, с другой стороны, возможно, именно это и есть самое надежное доказательство его непричастности. Ведь не круглый же он дурак, чтобы, собираясь убить кого-то, устроить все так, чтобы именно на него и подумали. Все-таки компьютерами занимается, извилины-то какие-никакие присутствовать должны.

Были в деле и протоколы опроса соседей (это, кстати, еще раз убедило меня, что следствие велось объективно и профессионально), но оказалось, соседи вообще никогда не слышали, как Андрей приходил и уходил, и даже соседи снизу почти никогда не слышали никаких звуков из квартиры Андрея.

«Вот счастливицы-то!» – с завистью подумала я, вспомнив, как совсем недавно мои верхние соседи отмечали чей-то день рождения.

Впрочем, при занятиях Андрея это и неудивительно. Чего там больно-то нашумишь, на компьютере-то? А поскольку из армии парень пришел совсем недавно, толпы друзей к нему тоже не ходили, да и девушка бросила... Понятно, что у него всегда было тихо... Понятно, но для него самого очень плохо.

Я почувствовала, что, еще не познакомившись со своим клиентом, уже начинаю чувствовать некоторую симпатию к нему и сочувствие. Если убийца действительно он, то явно очень наивный и неопытный, потому что так себя подставить надо еще суметь.

Я стала читать протокол допроса друга обвиняемого, который упоминал о неприязненных отношениях обвиняемого и потерпевшего, но отмечал также, что история эта давняя и что навряд ли Андрей сейчас даже помнит о ней, поскольку он человек не злопамятный. По

поводу того, что это за история, Игорь коротко ответил, что Олег должен был Андрею деньги и не отдал.

Относительно девушки друг высказывался приблизительно так же, как и мать: он считал, что если бы Андрей решил убить Олега из-за Светы, то сделал бы это сразу, как только пришел из армии, а не стал бы ждать столько времени.

Прочие протоколы представляли еще меньше интересного, почти все они были сухими и официальными и не давали живого представления о фигурантах, так что фотографировать для дальнейшего, более тщательного изучения мне было пока нечего. Впрочем, в любом случае со всеми ими я собиралась встретиться лично, так что это обстоятельство меня не огорчило.

В плане информативности от всех других выгодно отличался протокол осмотра места преступления, и хотя некоторое представление о нем я уже имела, прочитав протокол, узнала много интересных дополнительных деталей.

Оказалось, что глиняный пустырь находился довольно далеко от города, и, соответственно, чтобы привести на него потерпевшего, требовалась достаточно весомая причина. Ведь не за глиной же предложили ему съездить туда? Как следовало из протокола допроса обвиняемого, сам он ничего не мог сказать о том, почему Олег оказался на пустыре, поскольку настаивал на том, что он его туда не приводил. Но у следователей, я думаю, ответ на этот вопрос мог оформиться таким образом: решив выяснить отношения, молодые люди захотели подыскать место, где бы им уж точно никто не помешал.

Только этим можно было объяснить факт, что следы до самого места преступления отпечатывались ровно и спокойно и потерпевший до последнего момента не подозревал, как предательски с ним поступят.

Кроме того, в протоколе говорилось, что к пустырю ведет наезженная дорога и поэтому невозможно определить, на каком именно транспорте приехали туда обвиняемый и потерпевший. Однако в стороне от дороги трава оказалась примята, и, судя по всему, там проезжал легковой автомобиль.

Не густо... но, впрочем, на траве что определишь? Вот если бы следы протектора остались на глине... Кстати, о глине. Я взглянула на часы и обнаружила, что времени у меня осталось совсем немного. Поскольку дело в общем и целом было мной изучено, я занялась уликами.

Улики находились в двух целлофановых пакетах – большом и маленьком. Я уже протянула было руку, чтобы взять один из них, как вдруг вспомнила строгое Андрюхино: «отпечатков не оставлять». Помянув мысленно одно нехорошее слово, я вытащила носовой платок и с его помощью кое-как расположила пакетик поменьше таким образом, чтобы и рассмотреть хорошенько, и отпечатков не оставить.

В пакетике был образец грунта с подошвы кроссовок обвиняемого. В общем-то, образец как образец, кусочек засохшей грязи, сплюснутый с одной стороны и ребристый от следов протектора – с другой. Но была в нем одна вещь, которая показалась мне несколько странной. Конечно, я еще не побывала на месте преступления и не видела, как именно располагается там эта самая глина, но мне всегда казалось, что если уж речь идет о месторождении чего-то, то это что-то должно лежать там сплошняком. То есть если человек ходил в кроссовках по месторождению голубой глины, то эта глина должна целиком облеплять всю подошву.

Однако на рассматриваемом мною образце светло-серый участок высохшей глины со всех сторон был окружен более темными кусками явно другого грунта. Попросту говоря – земли. Как будто, прибыв на месторождение, обвиняемый краешком кроссовки ступил на голубую глину, чтобы ни у кого не возникло сомнений, что он там побывал, да и отправился себе восвояси, не желая больше пачкать обувь.

Конечно, можно было предположить, что глина постепенно отслоилась, пока обвиняемый ходил по городу, ну или в других каких-то местах, но если учесть, что взяли его через день

после убийства и что почти все это время он провел у себя дома за компьютером... как-то странно все это.

На всякий случай я сфотографировала образец и занялась второй уликой. Это была рубашка обвиняемого, где на одной из манжет были видны пятна крови. Рубашка была темная, в каких-то красно-синих клеточках, но бурые пятна на рукаве были видны вполне отчетливо.

Однако и здесь обнаружилась некая странность. Ведь если на одежду попадает кровь после того, как человек ударил кого-то ножом, то попадает она скорее всего в виде брызг или пятен и скорее всего пачкает не только рукава рубашки, но и обе передние полочки. Здесь же был испачкан только самый край манжеты и причем так, будто ее макнули в кровь да потом еще немножко размазали пятно, пока оно окончательно не высохло. Интересно, можно ли так испачкать рукав, если ударишь человека ножом в спину? Надо будет это проверить.

То есть я не собиралась, конечно, потренироваться на чьей-нибудь спине, но решила на досуге поэкспериментировать с наполненным водой целлофановым пакетом. Куда полетят брызги, если я проткну его ножом?

Я быстро сфотографировала эту непонятную манжету с пятном и стала ждать Андрея Мельникова.

Мельников не замедлил явиться, и едва только я успела спрятать фотоаппарат, в замочной скважине снова заскрежетал ключ, а в кабинете со своими идиотскими конспиративными ужимками появился Андрей.

– Ну что – все? Просмотрела?

– Ну так – в общем и целом... хотя не мешало бы посидеть еще часок... – решила слегка я его поддразнить.

– И-и-ни-ни-ни-ни! – сразу же завопил Андрей. – И даже не думай и даже не мечтай. Я тебя предупреждал заранее, времени у тебя – только один час.

– Да ладно, ладно, раскудахтался. На, забирай свое дело – все в целости и сохранности. И улики... без отпечатков.

– Без отпечатков?

– Без отпечатков. Один вопрос...

– Давай, только быстро, – снова беспокойно забегал глазами мой конспиратор.

– Почему в деле почти ничего нет о связях потерпевшего? Его окружение, близкие друзья? Почему не проверялись версии о том, что преступление мог совершить кто-то другой? Ведь, насколько я поняла, пострадавший не был таким уж ангелом?

– Правильно поняла. И именно поэтому могла бы догадаться, что информации из этой, как ты выразилась, среды много не будет. Мальчонка шестерил на... впрочем, называть пароли и явки тебе не буду, могу только сказать, что в боссах у него был хотя и не совсем легальный, но весьма серьезный товарищ, представители которого, к твоему сведению, почти сразу же вышли на наше уважаемое начальство с требованием, чтобы преступление было наказано. Учитывая, что и с другой стороны на нас пытаются оказать давление достаточно влиятельные люди, – можешь предположить, в какой обстановке приходится работать следователям. А бедное наше руководство, оказавшись между двух таких сильных огней, вообще чуть было не капитулировало в отпуск. Но, к счастью, и с теми, и с теми в конце концов удалось договориться. Короче, порешили на том, что следствие пойдет своим чередом, факты будут оцениваться непредвзято, и на кого они укажут – тот и будет виноват.

– И факты указали на Андрея Звягинцева?

– Как видишь.

– Но хоть какие-то сведения относительно жизни и деятельности потерпевшего должны были вы попытаться найти?!

– Поучите-ка, яйца, курицу! Попытаться... Попытались, не сомневайся, да только не очень-то много оказалось желающих нам эти сведения сообщать. На официальный протокол вообще никого не удалось раскрутить, да и так, в разговорах, мало чего удалось выяснить. Понятно одно – этот самый Олег, то бишь потерпевший, делал разную некрасивую грязную работку, без которой не обходится ни одно красивое чистое дело. Босс его, видишь ли, очень хорошо знает, что деньги не пахнут, и в плане источников дохода не брезгует ничем. Шантаж, сутенерство, проституция, и детская в том числе, видеосъемки...

– Какие съемки? – немного, наверное, наивно поинтересовалась я.

– Порнографические, – отчетливо проговаривая каждый звук, ответил Андрюша.

– А-а, – наконец догадалась я.

– В общем, мальчик работал на нижнем уровне и проделывал штуки, которые считал для себя не солидными и о которые его босс не хотел мараться. В плане материальных вознаграждений, как я понял, его не обижали, да и сам он по ходу дела наверняка что-нибудь в клювике уносил. Мальчонка, видать, был шустрый и без комплексов. Впрочем, на таком месте другому и не удержаться. Это, собственно, и все, что удалось выяснить.

– Не густо.

– И еще одна вещь, возможно, тебе пригодится: у Олега, кажется, была своеобразная агентура. Так же, как он работал на своего босса, так были и люди, которые работали на него, но это уж – совсем хлам. Бомжи, наркоманы и прочая такая публика. Впрочем, они удобны тем, что практически на все готовы и практически ничего за это не требуют. Доза или бутылка – вот и вся премия. По бережливости мальчик самому боссу запросто мог фору дать. Уж на что тот жаден, даже братва удивляется, а этот и его переплюнул. Такие вот отзывы.

– Да, отзывы впечатляют, – задумчиво ответила я.

Этот Олег... тип, похоже, довольно мерзкий. Надо будет отработать его связи поподробнее.

– Ну что же, Андрюша, спасибо тебе за помощь...

– Обращайся, – потеряв бдительность, неосторожно сказал Андрей.

– Ловлю на слове, – тут же сказала я.

– Ну да – тебе только палец дай – ты и всю руку оттяпаешь.

– Ладно, не вредничай. Люди должны помогать друг другу.

– Ну да...

Мы попрощались, и я направилась в СИЗО, где у меня была назначена встреча с адвокатом и его подзащитным, который по совместительству был и моим клиентом.

Подъехав на своей «девятке» к обшарпанному зданию СИЗО, я обнаружила рядом с ним шикарный черный джип, который своими лакированными боками создавал обидный контраст старому зданию и, увы, моему сугубо отечественному автомобилю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.